

УДК 94(470+438)"1863/1864"

Д. А. Коско

**ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВОЗЗРЕНИЯХ
ВАРШАВСКИХ ПОЗИТИВИСТОВ**

42

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.08.2023 г.

Принята к публикации 11.10.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4

Для цитирования: Коско Д. А. Январское восстание в воззрениях варшавских позитивистов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 42–49. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4.

Предпринята попытка определить воззрения варшавских позитивистов на Январское восстание. Автор обращается к литературным сочинениям, письмам и воспоминаниям представителей варшавского позитивизма и приходит к выводу, что подавление восстания 1863–1864 гг. во многом способствовало формированию идеологии данного философского течения. Позитивисты открыто осуждали польское освободительное движение, полагая, что вооруженные столкновения приведут польскую нацию к исчезновению. Несмотря на это, они с большим почтением относились к участникам Январского восстания, осознавая вместе с тем тщетность вооруженных методов борьбы за независимость Польши. Помимо критики польского освободительного движения, варшавские позитивисты негативно оценивали и представителей консервативной польской аристократии, которые продолжали жить прошлым, романтизируя польские восстания и их участников, игнорируя в то же время потребности, стремления и желания нижестоящих слоев польского общества. Свои взгляды на насильственные способы борьбы за независимость польских земель варшавские позитивисты также выражали в мемуарах, письмах и литературных произведениях.

Ключевые слова: варшавский позитивизм, Царство Польское, романтизм, Январское восстание, художественная литература, польское освободительное движение, польская шляхта

Во второй половине XIX в., после подавления Январского восстания, в условиях территориальной разделенности страны польские мыслители задались вопросами возрождения нации и создания идеального государства-отечества. Романтический образ «мученической» Польши был оставлен позади, а количество подходов к решению насущных проблем увеличилось на порядок [11, с. 32].

В связи с отсутствием возможностей для реального выражения своих политических взглядов и идей на разделенных польских землях (за исключением территорий в составе Австро-Венгрии) польские деятели занялись активной писательской деятельностью. Художественная литература преподносила читателю новые ценности, подталкивала к размышлениям о политической ситуации в стране, позволяла ощутить принадлежность к польской нации и способствовала формированию национального самосознания.

После подавления Январского восстания взгляды поляков относительно будущего польской нации трансформировались: они обратились к размышлениям о возможных новых путях обретения независимости. По этой причине важно понять степень влияния Январского восстания на убеждения варшавских позитивистов.

С 1864 г. в Царстве Польском начала действовать жесткая цензура, а царские власти взяли курс на усиленную русификацию [2, с. 144]. Именно в это время возникло общественно-идеологическое течение, получившее название «варшавский позитивизм», которое стало пользоваться популярностью не только в самом Царстве Польском, но и на других польских землях [3, с. 60]. Приверженцы этого течения призывали все классы польского общества согласованно трудиться во благо нации, вместе с тем отрицая вооруженные методы борьбы за независимость Польши. Помимо того, позитивисты агитировали представителей польской шляхты оказывать помощь народу, просвещать его, строить в деревнях школы и больницы. Как вспоминала Элиза Ожешко, «необходимо было создать новый вид “патриотической идеи”, приспособленной к временам отчаяния и презрения...» [13, с. 146].

В 1862—1869 гг. в столице Царства Польского действовала Варшавская главная школа, где преподавали выдающиеся представители варшавского позитивизма. После ее преобразования в Императорский Варшавский университет позитивизм перестал носить академический характер, став идеологически-политическим течением.

Несмотря на явно либеральную направленность варшавского позитивизма, приверженцы данного течения единогласно отрицали концепцию вооруженной и насильственной борьбы за независимость польских земель. Причиной такого противоречия может быть специфическое восприятие варшавскими позитивистами факта подавления Январского восстания в 1864 г.

В историографии (в первую очередь, естественно, польской) варшавский позитивизм неоднократно становился предметом исследования [2; 5; 7; 8; 11]. Проблема влияния Январского восстания на развитие идеологических течений обсуждалась в работах, посвященных отдельным идеологам варшавского позитивизма [6; 15; 18; 19]. Среди публикаций отечественных исследователей заслуживает внимания статья В. А. Хорева [3], однако комплексных исследований по этому вопросу в российской историографии нет.

Источниковую базу для настоящего исследования составили воспоминания и письма варшавских позитивистов 1864—1890 гг. (пик активности их деятельности) [9; 10; 12; 13; 17], а также литературные произведения представителей варшавского позитивизма — сочинения Болеслава Пру-

са, Адама Асныка и Элизы Ожешко [1; 4; 14; 16]. Поскольку большинство представителей варшавского позитивизма проживало на территории Царства Польского, на которой действовала царская цензура, указанные выше источники личного происхождения наиболее полно раскрывают взгляды и воззрения варшавских позитивистов на Январское восстание: именно в дневниках, письмах и воспоминаниях эти деятели могли достаточно откровенно высказывать свои мысли.

Для варшавского позитивизма характерно отрицание вооруженных методов борьбы как инструмента национально-освободительного движения. Это отрицание было основано на убеждении, что вооруженное сопротивление поставит польский народ на грань выживания. Альтернативой восстанию польские позитивисты видели «органическую работу» «во благо народа» — развитие экономики и предпринимательства, просвещение, научная деятельность, сохранение польской культуры, прежде всего традиций и языка. В понимании позитивистов подобные усилия в конечном счете должны были привести к освобождению польского народа [3, с. 62].

Многих представителей этого течения так или иначе затронули события 1863—1864 гг. Польский писатель и журналист Александр Гловацкий (1847—1912), больше известный под псевдонимом Болеслав Прус, в 16-летнем возрасте принимал участие в Январском восстании, в ходе которого был ранен и пленен российскими войсками [11, с. 46].

Польская писательница Элиза Ожешко (1841—1910) совместно с мужем Петром Ожешко во время Январского восстания оказывала активную поддержку повстанцам. Они участвовали в собраниях, на которых планировался ход вооруженных действий, а также скрывали в своем имении революционеров Ромуальда Траугутта и Яна Ваньковича. За помощь восставшим Петра Ожешко сослали в Пермскую губернию, а его имение было конфисковано царскими властями [11, с. 248].

Поэт и драматург Адам Асник (1838—1897), выросший в семье участника Ноябрьского восстания, пошел по стопам отца и участвовал в восстании 1863—1864 гг. Асник был членом повстанческого правительства, после чего был вовлечен в партизанское движение. После долгих преследований со стороны царских властей поэт эмигрировал в Германию, а в 1870 г. переехал в Краков, где и прожил до самой смерти [18, с. 33—36].

Выходцами из разорившейся в результате конфискации имущества шляхты были и позитивисты Александр Свентоховский (1849—1938), Петр Хмельёвский (1848—1904), Станислав Игнаций Виткевич (1885—1939), Юзеф Котарбиньский (1849—1928) [5].

Будучи людьми, объединенными общим болезненным опытом, варшавские позитивисты испытывали разочарование в польском освободительном движении. Они осознавали, что насильственное сопротивление лишь усугубляет и без того непростые условия существования польского народа. Элиза Ожешко, видевшая публичные казни и массовую ссылку поляков в Сибирь, вспоминая подавление восстания, называла его «одной из самых ужасных катастроф, доступных взору смертного» [5, с. 30]. Адам Асник с горечью писал: «Радужное состояние романтической Музы распалось на куски» [9, с. 141]. Польский писатель и публицист

Александр Свентоховский категоричнее других позитивистов оценивал роль Январского восстания, называя его «разнузданной, аморальной, дикой, жестокой мясницкой революцией» [17, s. 169].

Позитивисты, не отрицая ценностей романтизма, выступали против идеализации прошлого. Они открыто осуждали устаревшие воззрения польского общества, которые служили причиной гибели или ссылки на каторгу множества молодых поляков. Так, по мнению Болеслава Пруса, польское общество «не только отстало и материально бедно, но, хуже того, духовно больно. Наши программы изжили себя и сегодня не имеют никакой ценности. Мы похожи на дезорганизованную толпу людей, которые ночью в дремучем лесу потеряли дорогу и не знают, куда идут» [10, s. 256].

Польские деятели, хорошо знакомые с идеями западноевропейского позитивизма, видели необходимость развивать в людях стремление к образованию, обращались к проблеме отсталости сел и деревень, придавали значение развитию экономики, просвещения и науки. В условиях жесткой цензуры в Царстве Польском выполнение поставленных задач было во многом возложено на искусство, в особенности на художественную литературу. Болеслав Прус писал: «Литература, отбросив так называемое мессианство и пастырство, является прежде всего видом человеческого труда, причем труда полезного» [Ibid., s. 351]. Используя «эзопов язык», писатели-позитивисты смогли осветить множество насущных проблем польского общества, вместе с тем способствовал сохранению польской культуры, языка и традиций. Элиза Ожешко, вспоминая об «эзоповом языке», писала: «Ни одна дата, ни что-либо иное, относящееся к теме национальной борьбы и восстаний, не названа своим настоящим именем. Можно сказать, что это своего рода тюремный язык: это слово означает это слово, то слово — другое, этот жест для этого понятия, этот жест для того. И все-таки мы — автор и читатель — превосходно понимаем друг друга» [12, s. 254].

Но, несмотря на осуждение позитивистами событий 1863–1864 гг., тема Январского восстания затрагивается в их произведениях с почтительным отношением к погибшим за свободу нации полякам.

Так, в романе «Кукла» [16] Болеслава Пруса, написанном в 1887–1889 гг., тема Январского восстания обсуждается уже в первых главах. Главный герой, Станислав Вокульский, принимал участие в восстании, после чего был сослан в Сибирь. Восстание и его последствия описаны с помощью «эзопова языка», поскольку роман был опубликован на пике деятельности царской цензуры. В частности, один из героев романа, советник Венгрович, в негативном ключе описывает повстанческий опыт Вокульского: «Вместе с другими сварил пиво, которое мы и по нынешний день расхлебываем, и в конце концов очутился где-то под Иркутском» [16, s. 12].

Следует отметить, что герой Вокульского — это собирательный образ, во многом обобщивший детали реальных биографий деятелей варшавского позитивизма. Он в молодости участвовал в Январском восстании, был сослан в Иркутск, после чего успешно занялся предпринимательством. Вокульский выступает с критикой польской аристократии, застрявшей в прошлом со своей героизацией восстаний. Аристократия

существовала, «собственной омертвелостью сковывая всякое движение, идущее снизу» [16, s. 33]. Вокульский как бы олицетворяет собой идеи варшавского позитивизма: не прибегая к вооруженной борьбе за национальную свободу, он действует во благо народа, развивая экономику, науку и предпринимательство. Вокульский наделен Прусом положительными чертами, показательно следующее описание героя: «Вокульский — из породы людей, которые рвутся к великим целям и грандиозному труду. Именно такие безумцы и создали цивилизацию» [Ibid., s. 631].

В 1887 г. выходит в свет роман «Над Неманом» [14] Элизы Ожешко. Тема восстания так же, как и у Пруса, передана «эзоповым языком». Январское восстание в романе называется «лихорадкой и штормом», которые продолжались два года. Конфискация имущества участников восстания обозначалась как «обнищание в результате общих несчастий» [14, s. 39].

Несмотря на использование иносказаний, писательница сумела с большим уважением воссоздать в романе образы участников восстания, попутно подвергнув критике закостенелую аристократию, предавшую национальные идеалы и относившуюся с презрением к представителям нижестоящих сословий. Так, один из героев романа — Теофиль Ружиц, один из богатейших представителей польской аристократии, — описывается как человек «мягкий и слабовольный, что было, очевидно, следствием физической слабости и расстроенной нервной системы» [Ibid., s. 26]. А при виде музыканта из нижестоящего сословия Ружиц «не мог скрыть гримасы брезгливости, которая передернула его тонкие губы» [Ibid., s. 27].

В романе герои Ансельм Богатырович, Бенедикт и Доминик Корчинские охарактеризованы как участники польского восстания, подавление которого напрямую определило их дальнейшую жизнь. Доминик попал в плен и со временем отказался от своей национальности и родного языка, сделав карьеру в царской администрации. История Ансельма во многом представляет собой закамуфлированную критику польской аристократии. Так, после подавления восстания здоровье героя ухудшается — он погружается в меланхолию, вспоминая поражение нации и свое собственное, потому что был отвергнут любимой женщиной из-за своего низкого социального положения. На Бенедикта, потерявшего двух братьев, легла обязанность содержать семейное имущество.

Трагичность польского освободительного движения проходит красной нитью через все произведение. Безымянная могила повстанцев в Неманском лесу является свидетельством героизма участников восстания и напоминает об идеалах, во имя которых они сражались и умирали, вместе с тем олицетворяя тщетность вооруженной борьбы за свободу Польши.

Творчество Адама Асныка принято делить на несколько этапов. Первый этап его лирики (во время эмиграции в Германию и последующего за ней переезда в Краков) относят к «послевосстанческому периоду», для которого характерен отход от романтизма с сопутствующими пессимистичными настроениями и разочарованием. Так, поэт за это вре-

мя написал стихотворения «Сон могил» (1865) и «У подножия креста» (1869), в которых содержатся его размышления о поражении польского освободительного движения. В этих стихотворениях заметен отход от романтической традиции, восстание ассоциируется Асныком со смертью, поражением, внутренним опустошением и печальной участью изгнанников:

И эта тишина мертвой пустыни
Словно нарушила во мне законы жизни:
Я был, подобно тьме, выброшен в космос [4].

Уже в 1877 г. Аснык написал стихотворение «Что причитать!..», выдержанное в чисто позитивистском ключе. В нем поэт негативно высказался о восхвалении восстаний старшим поколением и представителями польской шляхты:

Мир не отдаст, как ни перечь,
Того, что прежде было...
С живыми надобно идти
Навстречу новой дали,
А лавры ваши расплести [1].

Несмотря на осуждение вооруженных методов борьбы за независимость Польши, образ Январского восстания в литературных произведениях и в воспоминаниях варшавских позитивистов наполнен трагизмом. Авторы, избегая героизации повстанцев, смогли с почтением изобразить их в своих произведениях как людей, идущих на смерть во имя утопической идеи. Их программа и литературные произведения стали ответом на поражение польского освободительного движения в восстании 1864 г.

Вместе с тем варшавские позитивисты в негативном ключе оценивали представителей польской аристократии, которые продолжали с некоторой наивностью верить в успешность вооруженных методов борьбы. При этом, по мнению позитивистов, «наивные аристократы», жившие мечтами и фантазиями, не были способны приносить благо польской нации.

Подобное единство мнений в отношении Январского восстания можно лишь отчасти объяснить наличием цензуры в Царстве Польском, которая, несомненно, ограничивала польских авторов в выражении взглядов по многим политическим вопросам. Однако аналогичная позиция встречается, например, и в неподцензурном творчестве Адама Асныка, который после подавления восстания проживал в Германии и в Австро-Венгрии.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод, что на взгляды варшавских позитивистов в данном случае гораздо большее влияние оказал во многом сформировавший их повстанческий опыт.

Так, многие герои упомянутых выше литературных произведений эпохи варшавского позитивизма (как и сами авторы) после подавления Январского восстания отказались от идеи вооруженной борьбы за независимость, предпочтя ей развитие экономики, культуры, образования и

науки на польских землях. Художественная литература варшавских позитивистов в этом смысле как бы воплощает коллективный опыт участников восстания.

Элиза Ожешко, рассуждая о роли восстания в своей жизни, писала следующее: «Этот момент оказал решающее влияние на все мое будущее. От него снизошли на мою душу серьезность и нескончаемая скорбь, которые навсегда отдалили меня от мира блеска, игр и пустой радости» [13; s. 56].

Список источников и литературы

48

1. *Асnyк А.* Что причитать!.. 1877. URL: https://poezja.org/wz/Adam_Asnuk/207/Daremne_zale (дата обращения: 12.04.2022).
2. *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020.
3. *Хорев В. А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями // Варшавские позитивисты о России и русской культуре. М., 2012. С. 59–71.
4. *Asnyk A.* Pod stopy krzyża. 1869. URL: <https://wiersze.co/podstopy.htm> (дата обращения: 13.04.2023).
5. *Borkowska G.* Jakie zagadki kryje w sobie jeszcze literatura polskiego pozytywizmu // Wiedza o literaturze i edukacja. Księga referatów Zjazdu Polonistów / red. T. Michałowska, Z. Goliński, Z. Jarosiński. Warszawa, 1996. S. 314–324.
6. *Horodyński W.* Rok 1863: opisanie wypadków powstania 1863 roku przez ich uczestnika, dotychczas żyjącego. Warszawa, 1916.
7. *Janicka A.* Pozytywizm – modernizacyjny impuls kultury polskiej // I Ogólnopolska Konferencja Naukowa Narodziny nowoczesnej świadomości. Młodzi pozytywiści warszawscy: Przegląd Tygodniowy 1866–1876. Edycja pierwsza: Obraz człowieka – rewizje, 5–6 grudnia 2014. Białystok, 2015. S. 51–61.
8. *Kieżuń A.* Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji. Białystok, 2004.
9. *Listy Adama Asnyka do Chłapowskich Oprac. Alicja Kędziora i Emil Orzechowski // Pamiętnik Literacki.* Warszawa, 2020. S. 129–160.
10. *Listy Bolesława Prusa.* Warszawa, 2018.
11. *Mysłiński J.* Ziemie polskie w dobie powojennej (1864–1915). Kielce, 1997.
12. *Orzeszkowa E.* Listy. Warszawa ; Grodno, 1937. T. 1.
13. *Orzeszkowa E.* Listy zebrane. Wrocław, 1958. T. 4.
14. *Orzeszkowa E.* Nad Niemnem. Warszawa, 2017.
15. *Pieścikowski E.* Bolesław Prus. Warszawa, 1977.
16. *Prus B.* Lalka. Warszawa, 2017.
17. *Świętochowski A.* Wspomnienia. Warszawa, 1966.
18. *Tretiak J.* Adam Asnyk jako wyraz swojej epoki. Kraków, 1922.
19. *Żmigrodzka M.* Pozytywizm Elizy Orzeszkowej. Warszawa, 1971.

Об авторе

Данила Александрович Коско – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: dkoskoo@gmail.com

D. A. Kosko

THE JANUARY UPRISING IN THE WORLDVIEW
OF THE WARSAW POSITIVISTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 August 2023

Accepted 11 October 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4

To cite this article: Kosko D. A. 2023, The January uprising in the worldview of the Warsaw positivists, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 42–49. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-4.

49

An attempt has been made to determine the views of Warsaw positivists on the January Uprising. The author turns to literary works, letters, and memoirs of representatives of Warsaw positivism and concludes that the suppression of the uprising in 1863-1864 contributed significantly to the formation of the ideology of this philosophical movement. Positivists openly condemned the Polish liberation movement, believing that armed conflicts would lead to the disappearance of the Polish nation. Despite this, they held great respect for the participants of the January Uprising, simultaneously realizing the futility of armed methods in the struggle for the independence of Poland. In addition to criticizing the Polish liberation movement, Warsaw positivists negatively assessed representatives of the conservative Polish aristocracy who continued to live in the past, romanticizing Polish uprisings and their participants while ignoring the needs, aspirations, and desires of the lower strata of Polish society. Warsaw positivists also expressed their views on violent methods of fighting for the independence of Polish lands in memoirs, letters, and literary works.

Keywords: Warsaw positivism, Kingdom of Poland, romanticism, January Uprising, fiction, Polish liberation movement, Polish gentry

The author

Danila A. Kosko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: dkoskoo@gmail.com